

имеет в нем свое единственное наполнение. В чем же состоит содержание живой индивидуальности? Во-первых, она сама не более как единичный, а потому и конечный, и преходящий организм; кроме этого, как единичная, живая индивидуальность, она не имеет другого предмета, кроме единичностей. Всеобщее существует только для всеобщего. Но мы знаем, что единичное, не имеющее в себе всеобщего, неистинно и несвободно; мы видели, что вследствие этого живой субъект, для того чтоб быть истинным и свободным, должен отвлечь от единичности своей конкретной индивидуальности и возвыситься над собой во всеобщую сущность свою. Через отрицание себя как единичной, конкретной индивидуальности субъект стал свободным и истинным как самосознание.

Но самосознание, происшедшее через это первое отрицание, еще отвлеченно, еще не произвело своего собственного, соответствующего ему содержания, и вся реальность его заключается в живой, единичной индивидуальности, которая в нем же самом снялась как неистинная и несвободная. И потому субъект, возвысившийся только до отвлеченного самосознания, освободился только через отвлечение от рабского мира своей индивидуальности, а не через действительное побеждение его, а потому и остался к нему в отношении и достиг только отвлеченной основы и возможности всеобщей истины, а не действительного осуществления ее, достиг только отвлеченной свободы и истины. Мы заметили выше, что отвлеченное самосознание есть основа разумного единства людей между собою. Но так как оно отвлеченно и так как вся реальность, все конкретное содержание его, заключается в единичной индивидуальности – единичные же индивидуальности друг от друга различны и относятся друг к другу как внешние и чуждые, – то оно не более как возможность этого единства, возможность, ни в чем и нисколько не осуществленная; такая возможность, которая, удержавшись в своей отвлеченности и оставшись при единичности своего индивидуального содержания, становится преступным эгоизмом.

С переходом сознания в самосознание исчезло различие между субъектом и объектом. В сознании сознающее я, субъект, относился к познаваемому предмету, как объект, как от него различному, как к такому, с которым он должен был соотноситься. Различие это происходило оттого, что субъектом было это единичное, непосредственное я, а объектом – внешнее многообразие непосредственных единичностей. Но в феноменологическом процессе сознания улетучились внешность и единичность как субъекта, так и объекта, а вместе с этим исчезло и различие между ними, потому что оба оказались как всеобщие. Единичное я стало всеобщностью субъективного я, сознающего всеобщность объективного мира законов или мыслей, и сознание перешло в самосознание. Вследствие этого в самосознании положено тождество субъекта и объекта. Но первая форма самосознания, происшедшая для нас в феноменологическом процессе, есть отвлеченное самосознание, которое, как еще не осуществившееся, имеет все свое содержание во внешности единичности живого и конкретного индивида, – содержание, которое в нем же самом снялось как неистинное в своей истине и которое различно от него, как единичное и чувственное от всеобщего и сверхчувственного. Всеобщий отвлеченный субъект относится к внешнему и чувственному многообразию как к чуждому и различному от него предмету сознания, и тождество субъекта и объекта снова разрушилось.

3. Но между отвлеченным самосознанием и сознанием та разница, что в последнем единичность и внешность предмета положены как истина, в то время как в первом они снялись вместе с непосредственной индивидуальностью субъекта. В отвлеченном самосознании уже положено ничтожество всего этого единичного и преходящего мира; и оно, как внутреннее противоречие отвлеченной всеобщности чистого я и непосредственной единичности, и внешности индивида и чувственного мира, есть стремление к обнаружению своего внутреннего, имманентного ему всеобщего содержания и к действительному отрицанию всего непосредственного и внешнего. Отвлеченно себя сознающий субъект приходит в соприкосновение с чувственными единичностями, ограничивающими его свободу, и, предчувствуя свое могущество над ними, предчувствуя истину своей всеобщности, покоряет их своим собственным субъективным целям и восстанавливает таким образом единство субъекта и объекта. Кроме этого, живые, отвлеченно себя сознающие субъекты, как безграничные в отвлеченной всеобщности своего самосознания и как ограничивающие друг друга в действительности, встречаются друг с другом и, побуждаемые стремлением осуществить свою внутреннюю всеобщность, свою внутреннюю отвлеченную свободу во всем окружающем и ограничивающем их мире, вступают между собою в борьбу, результатом которой бывает или смерть одного, предпочтшего отвлеченную свободу своего самосознания – жизни, или рабство другого, пожертвовавшего достоинством свободной всеобщности для сохранения своего единичного существования, – в борьбу, в которой постепенно отрицаются их